

Ведьма-сестра

В старые годы, в незапамятные жил царь с царицей, и был у них один сын мальчик. Жалели они, что больше у них нет детей, царице очень бы дочку хотелось — да что делать. «Чего нам горевать, — говорит царь жене, — посмотри: у других и вовсе детей нету». А царица все скучает, на Бога жалуется.

Раз поехал царь на охоту. Выгнали собаки невиданного зверя, и поскакал царь за ним. Другие охотники далеко отстали, а царь все гонится. И завел его зверь в непроходимые чащобы, где и ноги человеческой не бывало. Завел, а сам сгинул, будто сквозь землю провалился.

Конь царский вовсе измучился, самого царя жажда томит. Слез царь с коня и пошел в глубокий овраг к ручейку. Смотрит — на берегу ручья в траве лежит ребенок — девочка, да такая славная, толстенькая, розовая, словно ягодка. «Еще грудная, — думает царь. — А где же ее мать?» Вечер наступил, пришла ночь — нет матери. Под утро стала девочка плакать, кричать. «Есть бедной хочется», — думает царь. Взял ее на руки, а она как укусит его в руку до крови, да так и присосалась. Он глядит, а у девочки полон ротик зубов — и острые как иголки. Подивился царь и думает: «Надо мне домой ворочаться; только как девочку здесь оставить — ее дикие звери разорвут». Подумал и порешил взять ее с собою, а на месте, где ее нашел, записку оставил: что вот такой-то царь нашел здесь грудную девочку и взял ее к себе.

Привозит он домой девочку, царица несказанно обрадовалась: «Это, — говорит, — мне Бог послал!» Забыла, что Бога-то она не просила...

Девочка растет да растет; другая к году еще соску сосет, а она уж большая, бегают, говядину ест. Еще года три прошло — совсем она, как большой человек, выросла. У царя и царицы точно глаза отведены: ничего не замечают, любят ее больше души.

Раз приходят во дворец царские пастухи и жалуются царевичу, что нет никакой возможности: каждую ночь из стада то конь, то бык пропадает. А кто ворует — неизвестно, только не люди, потому что ни разу следов не было. В первый раз царевич подумал, что пастухи сами мошенничают, прикрикнул на них... А они скоро опять пришли, просят их от службы уволить, потому что устеречь стада они не могут. «Прилетает, — говорят, — каждую ночь что-то и

таскает скот. Мы боимся». — «Что такое?» — подумал царевич и пошел к своему дядьке. Его дядька, старый старичок, во дворце на покое жил.

Рассказал царевич дядьке, а тот ему говорит: «Боюсь и сказать тебе, дитятко, а надо. Ведь названная сестра твоя, которую царь в лесу подобрал, — страшная ведьма. Теперь пока она скот ест, а потом съест и отца и мать твоих и всех людей в царстве. Лучше бы ты загодя как-нибудь объявил это отцу; а коли не поверит он — да знаю, что не поверит, — хоть сам бы ты ушел отсюда подальше. За себя я не боюсь: мне и жить-то только еще три дня».

«Бредит старик, — подумал царевич, — или вовсе из ума выжил». И ушел от него.

Вечером пошел царевич к стаду: «Подстерегу-ка, — думает, — что за диво такое». И лег он на ночь с пастухами у костра. Вдруг сразу точно буря завывала, звезды померкли, откуда ни возьмись, налетело черное как уголь чудовище — и имени ему нет, — схватило двух бычков и умчалось, точно туча... Царевич не успел и стрелу из колчана выхватить; а стадо сбилось в кучу, дрожит...

На другую и на третью ночи — то же было. «Постой, — говорит себе царевич, — уж я тебя подведу под мою стрелу». На четвертую ночь пришел он нарочно пораньше к стаду и приказал пастухам всех быков между собою канатами на ночь связать. Сидит царевич у костра, лук свой с наложенной стрелой на коленях держит и думает: «Уж не правду ли покойный дядька (а дядька только этим днем помер) мне говорил. Сегодня рано поутру, как зашел я в комнату к сестре, пока она еще спала, — у нее губы были густо кровью вымазаны...»

Вдруг завывала буря, трава к земле приклонилась, звезды померкли... Налетело черное чудовище. Схватило оно двух больших быков, а за ними все стадо на канатахверху потянулось... Тут царевич улучил минуту, натянул свой тугой лук до правого уха и пустил в чудовище кале ну стрелу. Ударил стрела чудовище в шею около самой головы. Закричало оно страшным голосом, выронило быков, а само умчалось, словно черная туча.

На другое утро приходит царевич к родителям поздороваться, а у них невеста что делается: плач, беготня, лекарей полон дворец. Что такое? И говорят царевичу, что сегодня рано утром, когда вышла его названная сестрица одна в сад, кто-то ее стрелой тяжело поранил. Как услышал он это, прямо вошел в ее комнату. «Где стрела?» — спрашивает. Лекари говорят: «Еще не можем вынуть: очень глубоко в шейку царевне вошла». Он подошел, посмотрел. «Это моя стрела, — говорит, — вот и моя метка». И рассказал перед всеми людьми, что дядька ему

говорил и как он в чудище стрелял... А ведьма лежит да так страшно на него смотрит...

Царь с царицей ничему не поверили, что сын рассказал. «Коли, — говорят, — ты сам признаешься, что твоей стрелой наша дочка подстрелена, — уходи из нашего царства вон: ты нам не сын. А что ты на девушку взводишь, так этому и дурак веры не даст; выдумал ты все это, ясное дело, для того, чтобы себя оправдать...» «Государь-батюшка, — говорит царевич, — коли не веришь ты мне, так мне и самому у тебя здесь делать нечего!»

Сел на коня и уехал из родной земли куда глаза глядят. Ехал он ехал долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — и доехал до края земли, до того места, где небо с землей сходится.

Смотрит: стоит дивный дворец, весь из красных самоцветных камней выстроен, и выходит к нему из того дворца неописанной красоты девица. «Здравствуй, дорогой гость! — говорит. — Войди ко мне, отдохни с долгой дороги. Я — Заря-Заряница, Солнцева сестрица».

Царевич вошел во дворец, да там и остался. Ходит за ним Солнцева сестрица как за родным братом: все в его воле, ни в чем ни нужды, ни отказа нет. Подарила ему для охоты двух псов: Харама и Хурума. Так они царевича знали, так к нему привыкли, что мысли его угадывали, — он весел и они играют, он грустит, и они смиренно лежат, скучают.

Только царевич все больше нерадостен был: хочется ему узнать, что в родном доме делается. Все сидит он наверху высокой горы да в ту сторону, где родная земля, поглядывает. «Что это у тебя, царевич, глаза заплаканы?» — спрашивает Солнцева сестрица. «Ветром, знать, надуло». В другой раз отговорился, будто пылью ему глаза занесло. Солнцева сестрица и приказала ветру не дуть. Нечего делать: пришлось признаться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не отпускает: «Ничего там хорошего не увидишь; пожалуй, еще сам пропадешь». Он ее упрашивает. Наконец, она отпустила его.

Взял царевич своих собак, Харама и Хурума, и поехал в путь-дорогу. Едет-едет и наехал на сильномогучего богатыря Горыню; сидит Горыня пригорюнившись в чистом поле. «Чего, богатырь, не весел?» — спрашивает его царевич. «Видишь, царевич, поставлен я горы ворочать; все перевернул, ровное поле сделалось — теперь скоро и смерть моя». — «Пойдем за мной, я тебе сколько хочешь гор покажу». Обрадовался богатырь и пошел за царевичем.

Дальше повстречался им богатырь Дубыня, сидит на пенечке пригорюнившись, а вокруг него чистое поле. «Чего, богатырь, кручинен?» — спрашивает его царевич. «Да видишь, царевич, поставлен я дубы с корнями вырывать. Все повывернул, значит, скоро и помирать мне надо». — «Ну, твоему горю не мудрено помочь: иди за мной, в наших сторонах лесу конца-края нет». Пошел за ним Дубыня.

Долго ли, коротко ли добрались они до высоких гор; стоят горы каменные, выше облаков... «Спасибо тебе, царевич, — говорит Горыня, — век твоей услуги не забуду». И давай горы ворочать, с землей ровнять. «Да пойдем дальше, — говорит царевич, — там горы куда выше этих». «И до тех доберусь, сперва дай на этих плечи поразмять».

Добрался царевич с Дубыней до дремучих лесов — во все стороны леса раскинулись без конца-края, стоят дубы вековые, кряжистые. «Ой, благодарствую тебе, царевич, — говорит Дубыня, — по век я твой должник за твою услугу». И давай дубы с корнями выворачивать да раскидывать.

Ехал еще, ехал царевич и посреди тех лесов дремучих увидал избушку; стоит избушка, поворачивается. «Станька, избушка, по-старому, как мать поставила!» — говорит царевич. Избушка повернулась к нему дверью. Он смотрит: сидит в избушке на печке Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит. «Фу-фу-фу, — говорит Яга, — человеческого духа здесь слыхом не слыхать, видом не видать, а вот человечья кость сама вьявь объявляется! Войди-ка сюда, добрый молодец».

Царевич не убоился, вошел, а за ним и его собаки. «Ой-ой, — говорит Яга, — да ты вот с какими сторожами... Куда путь держишь?» Рассказал ей царевич. А Яга — она его названной сестре родной теткой приходилась — угостила его, напоила, накормила, спать в мягкую постель уложила да и давай его собак отманивать. Только те, как легли около хозяина, так и не отходят... Не удалось Яге на этот раз. «Ну, — говорит она себе, — уж я как-никак исхитрюсь, а этих псов изведу: при них дорогой племяннушке этого молодца не осилить».

Наутро поехал царевич дальше. Откуда ни возьмись, выскочил из кустов заяц. «Вот, — говорит царевич, — и завтрак будет. Ну-ка, Харам, Хурум, поймайте его!» Кинулись собаки за зайцем; гнали-гнали, вдруг вскочил заяц в пещеру, собаки разогнались — за ним... Заяц пропал, словно сквозь землю провалился, а за собаками двенадцать железных дверей захлопнулись. Стали собаки двери грызть, на белый свет хозяину в помощь прогрызаться.

А царевич подождал-подождал своих собак и поехал дальше. «Ничего, — думает, — по следу меня найдут, догонят».

Въезжает он в родную землю — страшно посмотреть: все съедено. Ни человека, ни зверя, ни птицы нигде нет; от сел и городов только каменные стены остались. Приехал в стольный город, где с отцом, с матерью жил, — то же самое. Только и живого, что старик кузнец да сестрин конь — кляча чуть двигается, да сама сестра-ведьма.

Вышла сестра брата встречать, ввела во дворец царский и сейчас же опять наружу выбежала. Вошла опять, а у самой губы в крови: «Что это, братец, — спрашивает, — ваш конь, никак, об трех ногах?» Царевич выглянул в окно — у коня его уж одна нога отъедена.

Так и сидит брат во дворце, а сестра — то выйдет, то опять войдет — глядь, а конь царевича уж весь съеден. «Посидите, братец, — говорит ведьма, — на гусях поиграйте; я пойду сготовлю, чем вас попотчевать». А сама побежала к кузнецу свои железные зубы точить — за этим только и кузнец не съеден остался.

Царевич сидит, бренчит кое-как на гусях. Вдруг выбежала из-под полу мышка: «Ох, беги скорей царевич! Ведьма зубы точит; придет — съест тебя! Давай, я за тебя поиграю». Побежал царевич в конюшню, вскочил на ведьмину клячу и давай ее железным прутом нахлестывать.

А мышка бегаёт по гусям, струны бренчат. Подошла ведьма под окно, послушала: играет. Опять побежала к кузнецу; точила-точила зубы — выточила. Вбежала во дворец, глядь — а там никого нет, только мышонок в нору юркнул.

Разозлилась ведьма, заскрипела зубами и кинулась царевича догонять... Хоть она пешая, а он конный — да что это за конь, насилу ноги волочит. Вот-вот ведьма догонит...

Тут как раз Дубыня дубы рвал. Увидал он царевича в беде — его пропустил, а перед ведьмой давай дубы валить на дорогу, целую гору накидал — ведьме нет проходу. Стала она путь прочищать, грызла-грызла, продралась и опять в погоню кинулась. Вот догоняет царевича, еще немножко — и смерть ему неминуемая...

Тут Горыня горы ворочал; увидал Горыня ведьму, ухватил самую высокую гору и повернул как раз ведьме на дорогу, а на ту гору другую взвалил — птице не перелететь. Кинулась ведьма сквозь гору себе дорогу прогрызать; грызла-грызла, насквозь прокопалась и опять за царевичем гонит. Завидела его: «Не уйдешь, — кричит, — теперь от меня!»

Вдруг, откуда ни возьмись, налетели царевичевы собаки. Успели они двенадцать железных дверей прогрызть и прибежали хозяину на выручку. Кинулись собаки на ведьму, вмиг ее по клочкам разорвали... Одна голова с железными зубами осталась — не могли с ней ничего собаки поделать.

И катится та голова за царевичем, лязгает зубами...

А царевичу уж близко — вот он, дворец Солнцевой сестрицы, рукой подать...

Вдруг налетела ведьмина голова и впилась коню в спину зубами... Обратился царевич ясным месяцем и взлетел ко дворцу Зари-Заряницы, Солнцевой сестрицы, — до того времени на земле месяца не было...

С той поры стал он месяцем, собаки — его охраной, а ведьма — лютым врагом месяцу. В год раза два засыпают верные собаки, и ведьма на месяц накидывается. Темнеет месяц. Начнут на земле люди кричать, стрелять — проснутся верные псы и оттащат от хозяина ведьмину голову. Опять месяц светлеет.

Ученые люди это месячным затмением зовут.